

шолтда

Д.М.Рогозин, Н.И.Галиева

МЕТОДИЧЕСКАЯ (НЕ)УСТОЙЧИВОСТЬ МАССОВОГО ОПРОСА

Ключевые слова: массовый опрос, методология социальных обследований, стандартизированное интервью, фабрикация данных, этнография опроса

Масштабные количественные опросы проводятся с установкой на стабильность и устойчивость измеряемых мнений, поведения и социально-демографических характеристик респондентов. Предполагается, что многие из регистрируемых в интервью переменных не зависят от ситуации опроса. При этом любые корреляции ответов с контекстом, интервьюером или анкетой трактуются как смещения и подлежат детальному анализу с последующей коррекцией и редактированием данных¹. Обычно исследователи опираются на распределения ответов на анкетные вопросы; проблема неответов и систематических ошибок выборки интересует их гораздо реже — во всяком случае, в России. Более того, мы не знаем ни одного отечественного исследования, посвященного устойчивости условий проведения опроса, выявлению расхождений между опросной ситуацией, зарегистрированной в отчетной документации, и ситуацией вторичного посещения мест, в которых проходил опрос. Как правило, повторное обращение к респондентам используется для проверки качества работы интервьюеров и закладывается в обязательные процедуры исследования.

В настоящей статье мы рассматриваем результаты эмпирического обследования, в котором, согласно отчетности осуществлявшей его организации (входящей в топ исследовательских компаний, действующих на российском рынке), были выполнены все необходимые мероприятия по контролю качества полевых работ. Задача нашего этнографического проекта — не анализ качества интервьюирования, а проблематизация устойчивости и надежности собранных материалов. И хотя в ходе включенных наблюдений мы обнаружили очевидные приписки и фабрикация данных, допущенные случайно отобранным интервьюером, это лишь побочный результат проделанной нами работы. Основной вопрос предпринятого исследования: насколько устойчивы методические данные, связанные со сбором социальной информации? Можем ли мы обнаружить референты социальной реальности, некие реалии, которые зафиксированы в отчетной документации интервьюера (анкетах и маршрутных листах)? Насколько воспроизводимы результаты опроса при полном воссоздании запотоколированной интервьюером процедуры интервьюирования?

¹ Groves et al. 2009; Groves, Lyberg 2010; Lavrakas 2013.

Методика

² При рассмотрении маршрутов остальных московских интервьюеров были получены примерно те же результаты. И поскольку в наши задачи не входило обоснование распространности зафиксированного явления, мы сочли возможным ограничиться разбором одного случая. Этот частный эпизод вскрывает основные методические проблемы, на которые хотелось бы обратить внимание полтерского сообщества.

³ См., напр. Iversen, Furstenberg, Belzer 1999.

⁴ Zimmerman, Wieder 1977: 493.

Маршрут по улицам Кубинке и Вяземской

В качестве объекта исследования нами была рассмотрена работа одного из московских интервьюеров, задействованных в масштабном общероссийском опросе (9 тыс. респондентов), выполненном в августе 2013 г. по заказу Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС². Через четыре месяца после проведения интервью мы прошли по двум маршрутам этого интервьюера, используя заполненный им маршрутный лист с указанием адресов и имен респондентов. Столь продолжительная пауза перед вторичным посещением типична для исследований, направленных на анализ устойчивости и надежности собранных данных³.

В повторном прохождении по упомянутым маршрутам участвовали тридцатилетняя женщина (соавтор настоящей статьи) с большим опытом проведения интервью разной сложности и мужчина сорока лет, не обладавший опытом интервьюирования. Она, опрятно и нейтрально одетая, держала в руках твердую папку, позволяющую писать, не прислоняясь к какой-либо поверхности. Поверх был прикреплен пропуск в РАНХиГС, имелись и визитные карточки. Он время от времени вступал в разговор, комментируя и поясняя цель визита, задавая дополнительные вопросы. Кроме того, заполнялся бланк регистрации, а также небольшие анкеты, что, помимо возможности подробно фиксировать и систематизировать происходившее, создавало рабочий вид, снимало напряженность у собеседников. Все разговоры строились вокруг имен, запроотоколированных в опросном листе интервьюера, поэтому на них уходило не более 5–6 минут.

По результатам прохождения маршрута заполнялся маршрутный лист и велся дневник, в котором регистрировались наблюдения, впечатления, отмечались и комментировались особенности разговора. Все разговоры записывались на диктофон, что позволяло в случае необходимости еще раз обратиться к деталям коммуникации. В свою очередь дневник обеспечил рамку для объединения разнородной информации об изучаемом объекте и впечатлений исследователя во время сбора данных. Давно замечено, что совмещение интервью с дневниковыми записями дает кумулятивный эффект по систематизации и структурированию собираемой информации⁴, тем самым открывая дополнительные возможности для учета разнообразных факторов и выделения неожиданных сюжетов и непредвиденных обстоятельств. Ведение дневника — один из основных методических атрибутов «этнографичности» нашего проекта.

Начальная точка маршрута была определена домом 4 по улице Кубинке. Интервьюер прошел последовательно четыре дома по четной стороне улицы, затем, перейдя Можайское шоссе, зашел в три дома по улице Вяземской (см. рис. 1).

Фактически интервьюер разбил маршрут на два, самостоятельно определив исходную точку второго маршрута в рассматриваемом

Таблица 1 Список интервью, взятых по маршруту «Кубинка–Вяземская»

<i>№ дома на маршруте</i>	<i>Имя респондента</i>	<i>Адрес</i>	<i>Возраст</i>	<i>Наличие квартиры в доме</i>
1	Олег	Кубинка, д. 4, кв. 8	22	да
1	Андрей	Кубинка, д. 4, кв. 56	49	да
2	Людмила*	Кубинка, д. 6, кв. 27	26	да
2	Леонид	Кубинка, д. 6, кв. 42	27	нет
3	Анна	Кубинка, д. 8, кв. 12	56	да
3	Елена Викторовна	Кубинка, д. 8, кв. 37	67	нет
4	Алексей	Кубинка, д. 10, кв. 19	41	да
4	Ксения	Кубинка, д. 10, кв. 51	39	да
5	Вероника**	Вяземская, д. 1, корп. 1, кв. 18	48	да
6	Илья Николаевич**	Вяземская, д. 1, корп. 2, кв. 39	78	да
7	Софья Борисовна**	Вяземская, д. 1, корп. 3, кв. 27	75	да

* Имя респондентки подтвердила соседка, указав при этом на несоответствие возраста.

** По свидетельству жильцов квартиры или их ближайших соседей, людей с таким именем по данному адресу не проживает.

Дома по улице Кубинке, в которых проводился опрос, имеют разную этажность: № 4 и 10 — пятиэтажные, № 6 и 8 — четырехэтажные. Соответственно, в последних двух квартир меньше, нежели в первых. Указанные интервьюером квартиры 42 (по адресу: Кубинка, 6) и 37 (по адресу: Кубинка, 8) в домах отсутствуют.

Придомовая территория пустынна (мы были там в период от часа до двух дня). Нет ни детских площадок, ни какой-либо придомовой инфраструктуры (скамеек, спортивных сооружений, приспособлений для выбивания ковров и т.д.). В целом дома выглядят опрятно, в подъезде (единственном, в который удалось попасть) чисто и ухожено. Это позволяет предположить, что дома заселены в основном занятыми и социально активными людьми. Именно в этих домах интервьюер опросил молодежь и людей среднего возраста (см. *табл. 1*).

Только в одном доме (№ 4) установлен домофон, по которому можно позвонить в квартиру. В остальных на подъездах закреплены электронные кодовые замки, которые не позволяют войти чужаку, пред-

варительно не узнавшему код. Ни одного из респондентов, опрошенных в августе 2013 г. в доме 4, не оказалось на месте. Случайно удалось попасть в подъезд дома 6 (когда из него выходил человек). В квартире 27 никого не было. У соседей в квартире 26 кто-то был, но дверь не открыл и никак не прореагировал на звонок. В квартире 25 открыла женщина лет 65-и. Она охотно ответила на все вопросы и рассказала о соседке, которую действительно зовут Людмила, но которой намного больше 26 лет (разговор 1).

Разговор 1 (у входной двери в квартиру с соседкой)

И: В 27 квартире мы проводили опрос. Там просто сейчас никого нет.

Вы не знаете, там живет Людмила 26 лет?

Р: Людмила в квартире 27? Живет Люда, но вот сколько ей лет, я точно не знаю.

И: А молодая она или не молодая?

Р: Я бы не сказала, что она молодая, уж точно не 20 или 30 лет. Но Людка здесь живет. Для нас она — Людка (смех).

Дома по улице Вяземской пятиэтажные, кирпичные, весьма опрятные и ухоженные. В подъездах чисто, уютно и как-то по-домашнему. Вокруг домов кипит жизнь: гуляют дети, много пожилых. В подъезды постоянно кто-то входит и выходит, попасть внутрь не проблема. Сразу возникает желание задавать вопросы прямо во дворе, входящим и выходящим, а не ходить по квартирам. При отсутствии инструкции с жестким определением процедуры отбора квартир интервьюер вполне может использовать эту тактику. На улице люди охотно идут на контакт, рассказывают о себе и соседях. Нам удалось поговорить (у подъезда первого корпуса) с жильцом из квартиры 18 (см. *табл. 1*). В ней проживает семья из 4 человек, из которых никого не зовут Вероникой. Кроме того, информант утверждал, что никакого опроса летом не было. Аналогично ответили соседи и о респонденте, якобы живущем в квартире 39 второго корпуса (см. разговор 2).

Разговор 2 (на улице около подъезда с соседом, мужчиной средних лет)

И1: Скажите, а вы не из 39 квартиры?

Р: Нет, но сосед.

И1: Сосед.

И2: А скажите, а там есть кто-нибудь? Вы не знаете, там проживает Илья Николаевич, в 39 квартире?

Р: Илья Николаевич? Я не знаю (задумчиво).

И1: Просто полгода назад проводился социологический опрос. Тут во многие дома заходили, информацию разную получали, обрабатывали, и сейчас контроль вот делается.

Р: Нет, там Максим. Это дети. Максим и Дмитрий.

И2: Ну вот Илье Николаевичу у нас стоит 78 лет.

Р: Нет, там таких нет.

И2: Точно нет?

Р: Однозначно.

Потом удалось поговорить и непосредственно с хозяйкой 39 квартиры, которая подтвердила, что среди ее домочадцев нет никого старшего возраста.

Около подъезда третьего корпуса стояла женщина (около 60 лет), которая сказала, что в квартире 27 раньше проживала Софья Борисовна, но она умерла года два назад и сейчас там живет ее дочь (Инесса или Инна). Она открыла подъезд своим ключом, позволив нам зайти, однако дочери дома не оказалось. Не исключено, что умершую хозяйку квартиры звали и не Софьей Борисовной; во всяком случае, старшая по дому, с которой мы пообщались чуть раньше, заявила, что таких там нет и не было. Вполне возможно, что информантка просто не знает, как звали ее бывшую соседку, но поскольку мы назвали примерно подходящий возраст, она подумала, что и имя должно быть правильным.

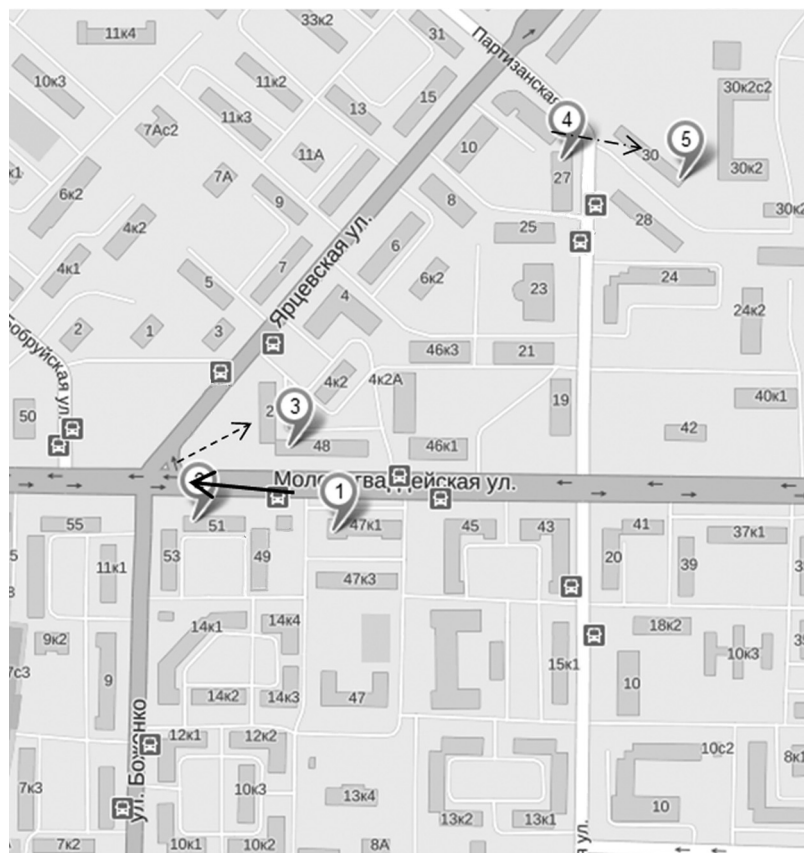
Обход 11 квартир, из которых по пяти ничего узнать не удалось (невозможно было попасть в подъезд или никого не было дома, а соседи не открыли), занял один час. Лишь по одному респонденту установлено (со слов соседки) совпадение имени, но одновременно — существенное расхождение в возрасте. Применительно к пяти интервью (из 11) можно однозначно утверждать, что опрос не проводился, причем в двух случаях обозначенных интервьюером квартир в домах не оказалось. При этом все, с кем мы говорили, охотно шли на контакт и в короткой беседе были предельно открыты и доброжелательны, всячески старались помочь, подсказывали, к кому еще можно обратиться.

**Маршрут
по улицам
Молодогвардейской
и Партизанской**

На этот раз в качестве начальной точки маршрута фигурировал дом 47, корп. 1 по Молодогвардейской улице (см. рис. 2). Следующим оказался дом 51 по той же улице. Интервьюер не стал следовать нумерации и пропустил дома 47, корп. 3, 47 и 49, расположенные во втором ряду. Поскольку у нас нет задания на маршрут, остается предположить, что маршрут строился визуальнo в сторону увеличения номеров домов. Затем интервьюер перешел на другую сторону улицы к дому 48. Опять же можно предположить, что участок был ограничен улицами Боженко и Ярцевской и интервьюеру потребовалось изменить направление движения. Однако не ясен переход к четвертому дому, расположенному по адресу: Партизанская, 27. Интервьюер вновь самостоятельно создал второй маршрут в обследуемом районе. Однако теперь он изменил правила его прохождения, выбрав следующий дом на другой стороне улицы.

В данном случае результативность опроса оказалась несколько выше, чем в первом. Согласно заполненному интервьюером маршрутному листу, для получения 11 интервью ему потребовалось 184 обраще-

Рисунок 2 Схема маршрута по улицам Молодогвардейской и Партизанской (Москва)

ния в квартиры; соответственно, коэффициент ответов, посчитанный по сопоставимой с предыдущим маршрутом формуле, составил 6%.

На этом маршруте интервьюер не занимался припиской отсутствующих в домах квартир, однако указал на нежилое помещение по адресу Партизанская, 27 (магазин мебели и офисы) как на жилой дом и отметил там одно полностью взятое интервью с номером квартиры 23 (см. табл. 2).

Все указанные интервьюером дома представляют собой пятиэтажные кирпичные строения. Везде есть домофон, по которому можно позвонить в квартиру. Однако общая атмосфера в районе менее доброжелательная, скорее ее можно назвать отчужденной, а местами — и агрессивной. Люди во дворах неразговорчивы, с подозрением относятся к интервьюеру, неохотно дают информацию о своих соседях. Дом 47, корп. 1 с виду ухоженный, хороший чистый двор — но абсолютно пустой (в течение часа там не было ни человека). Даже складывается

Таблица 2 Список интервью, взятых по маршруту «Молодогвардейская–Партизанская»

<i>№ дома на маршруте</i>	<i>Имя респондента</i>	<i>Адрес</i>	<i>Возраст</i>	<i>Наличие квартиры в доме</i>
1	Нина*	Молодогвардейская, д. 47, корп. 1, кв. 4	21	да
1	Семен	Молодогвардейская, д. 47, корп. 1, кв. 19	38	да
1	Софья	Молодогвардейская, д. 47, корп. 1, кв. 34	30	да
2	Ольга Дмитриевна	Молодогвардейская, д. 51, кв. 8	64	да
2	Сергей*	Молодогвардейская, д. 51, кв. 38	27	да
3	Серафима Игоревна*	Молодогвардейская, д. 48, кв. 10	75	да
3	Олег	Молодогвардейская, д. 48, кв. 23	48	да
3	Егор	Молодогвардейская, д. 48, кв. 59	56	да
4	Валентина	Партизанская, д. 27, кв. 23	46	нет
5	Никита Евгеньевич	Партизанская, д. 30, кв. 11	67	да
5	Лариса	Партизанская, д. 30, кв. 43	41	да

* По свидетельству жильцов квартиры или их ближайших соседей, людей с таким именем по данному адресу не проживает.

впечатление, что в доме мало кто живет: наглухо зашторенные окна, старые, потрескавшиеся рамы, облупленные подъездные двери. Если на сигнал домофона никто не отвечает, попасть в подъезд сложно.

В первый подъезд нас пустил работник ЖКХ. Внутри все чисто, но возникает ощущение запустения: очень сумрачно, пахнет затхлостью, двери квартир в основном очень старые. В квартире 4 нам не открыли. Женщина через дверь сказала (с акцентом), что никакого опроса у них не было и людей с запротokolированным в опросном листе именем здесь не живет. В остальных двух квартирах дома жильцов застать не удалось, не было на месте и их соседей.

Дом 51 почти ничем не отличался от предыдущего. Рядом со вторым подъездом стоял и курил жилец. Он сказал, что не знает, кто живет

в 38 квартире, но по нашей просьбе спокойно впустил нас в подъезд. Дверь в саму квартиру открыл мужчина, который тоже ничего не слышал об опросе и о человеке по имени Сергей, указанном интервьюером в качестве респондента, однако поговорить с ним и выяснить какие-либо детали о членах его семьи не удалось. Первый подъезд так и остался недоступным, по домофону никто не отвечал.

В дом 48 попасть мы не смогли. Но поговорили по домофону с жильцом из квартиры 10, который сообщил, что никого с интересующими нас именами в ней не проживает и опрос у них не проводился. В остальных квартирах на сигнал домофона никто не прореагировал. Отметим, что при общении через домофон трудно получить детальную информацию. Собеседник не видит говорящего, и мы не можем предъявить ему атрибуты своей «благонадежности», поэтому для точного выяснения ситуации желателен личный контакт.

В доме 30 по Партизанской улице в квартире 11 дверь открыли сразу три человека неславянской внешности. Они недавно сняли квартиру, подрабатывают в Москве и ничего не знают о предыдущих жильцах. Подъезд также произвел гнетущее впечатление. Перед домом есть площадка, есть лавочки, но полное ощущение заброшенности.

Обход маршрута вновь занял около часа. Однако уровень достижимости оказался гораздо ниже, чем в рассмотренном выше случае (что диссонирует с показаниями интервьюера), и мы смогли получить информацию только по четырем зарегистрированным интервью. По одному фигурирующему в отчете адресу расположено нежилое помещение, по трем другим, согласно утверждению жильцов, люди с указанными именами не проживают и опрос летом не проводился.

**Проблема
в интервьюере?**

Итак, нам не удалось найти ни одного полного подтверждения приводимых интервьюером сведений. Лишь в одной квартире обнаружился человек с фигурирующим в опросном листе именем, однако другого возраста. В трех случаях указаны несуществующие адреса, в семи жильцы или соседи сообщили, что людей с предлагаемыми именами по данным адресам не проживает. В международных методических исследованиях, посвященных надежности социально-демографических признаков (возраст, образование, уровень доходов), совпадение ответов одних и тех же респондентов, опрошенных в разное время, составляет от 50% до 98%⁵. В нашем исследовании мы пытались найти самих респондентов — и потерпели полное фиаско.

Как уже отмечалось, повторное прохождение маршрута было предпринято нами отнюдь не для контроля интервьюера. Если отсутствуют жесткие регламенты прохождения маршрута и четкое определение включаемых в выборку единиц наблюдения, если на откуп интервьюеру отдан отбор внутри домохозяйства, а регулирование идет лишь на уровне общих квот по маршруту, говорить о каком-либо контроле не приходится. Всегда можно привести веские причины того или иного

⁵ См. Schreiber 1976: 494, 498.

решения или сослаться на забывчивость респондентов, давность событий или неискренность собеседников во втором разговоре. Безусловным остается лишь факт явных приписок несуществующих квартир, по которым заполнены анкеты. Но в рассматриваемом случае нас в первую очередь заинтересовала тотальная неустойчивость данных. Анализ полученных распределений продолжается, позднее будут представлены и опубликованы результаты опроса, однако по прошествии четырех месяцев оказалось невозможно получить ни одного устойчивого референта к той ситуации обследования, в которой были сформированы обрабатываемые данные. Сколько бы времени ни прошло с зафиксированных дат проведения интервью, отсутствие каких-либо следов работы интервьюера, кроме заполненных анкет и маршрутных листов, свидетельствует о весьма низкой надежности собранного материала, а значит — и сомнительности генерируемых на его основе выводов.

Сложившаяся практика проведения личных стандартизированных интервью по месту жительства, без жесткого определения маршрута, с использованием бумажных форм отчетности, формальным контролем по предоставляемым самим же интервьюером телефонам респондентов и отсутствием культуры регистрации параданных, сопутствующих отражаемой в анкете информации, приводит к формированию особой профессиональной этики интервьюера, построенной на фабрикации собранного материала. Если в компьютеризированных телефонных опросах исследователи фиксируют постоянные отклонения коммуникативных стратегий интервьюера от регламентируемых инструкциями способов и приемов речевого поведения⁶, то в личных интервью, осуществляемых посредством заполнения бумажных анкет, отклонения выходят за рамки речевого взаимодействия, порождая все теоретически возможные смещения — покрытия, неотчетов, измерений. Логика наиболее эффективного выполнения поставленного задания (скорость и соответствие квотам) вызывает к жизни и закрепляет нелегитимные способы заполнения анкет. Критерием успеха становится их беспроblemная сдача супервайзеру и получение оговоренного вознаграждения. В такой ситуации любые формы контроля с самыми жесткими санкциями по выявленным нарушениям лишь поддерживают культуру фабрикации⁷, выступая ее оборотной стороной.

⁶ Kiecker, Nelson 1996; Rogozin, Inatova [Rogozin, Ipatova] 2012.

⁷ Rogozin, Inatova [Rogozin, Ipatova] 2012.

NB! В 1960-х годах ярким представителем второго поколения чикагской школы, учеником Эверетта Хьюза и Дэвида Райсмана Юлием Альфредом Ротом (1926—2002) было проведено, по-видимому, первое этнографическое исследование работы интервьюера. Устроившись в одну из опросных компаний, Рот лишь непродолжительное время смог удерживаться от фабрикации, к которым подталкивали и умудренные опытом коллеги, и условия работы, и утвердившиеся представления о результативности интервью. Тщательно регистрируя и описывая происходящее, ученый постепенно пришел к неуточителному выводу об институциональной предопределенности

фабрикаций, заложенной в культуре отчужденной интервьюерской работы: «Любой читатель с опытом исследовательской работы, скорее всего, вспомнит несколько случаев, когда он наблюдал либо подзревал надувательство, неряшливость или недоработку в сборе либо анализе данных или непосредственно участвовал в них. Возможно, он подумает, что эти случаи — исключение, неудачные отклонения от этических норм либо последствия неадекватного контроля над исполнением работы. Я же считаю, что такое поведение при сборе и обработке данных типично и ожидается от наемного персонала»⁸.

⁸ Roth 1966: 195. Хотя работа Рота не осталась незамеченной (согласно ISI Web of Science, по состоянию на январь 2014 г. число ссылок на нее превышает 50), уже в начале 1970-х годов сам автор объявил представленные в ней результаты маргинальными для методологических изысканий (Roth 1973). Исследователи предпочитают игнорировать скандальную и подрывающую основы количественной методологии информацию, придерживаясь традиционных статистических способов оценки смещений.

В результате главной задачей исследователя становится обнаружение умышленных сокращений, фальсификаций времени опроса, нарушений квот, игнорирования инструкций и маневров по уклонению от проверки. В свою очередь, интервьюер подстраивается под коммуникативные особенности респондента и исследователя, научается уклоняться от неадекватных текущей коммуникативной ситуации методических требований. Угроза поимки с поличным, «сыскные мероприятия» по допущенным в ходе интервьюирования отклонениям повышают ставки в игре, создают ситуацию риска, окружая изначально неэтическое поведение интервьюера романтической аурой. Так формируется профессиональная этика интервьюера-в-законе, полностью отдающего себе отчет в возможных последствиях нарушений и осознанно идущего на них.

В рассмотренной выше ситуации проще всего переложить ответственность на интервьюера, обвинив его в профессиональной непригодности. Однако за описанным нами кейсом, как и за тысячами аналогичных, скрываются институциональные основания опросной машины, воспроизводящей профессионально и этически непригодных интервьюеров. Невключенность последних в осмысленное производство социального знания (игра в отчетность) при низком уровне стандартизации процедур получения конечного результата (анкеты) ведет к появлению теневой стороны опросной технологии, в которой действуют иные, замалчиваемые исследовательским сообществом нормы профессиональной этики.

* * *

В последнее время все чаще вспыхивают скандалы, связанные с плохим качеством опросных данных. Неточность прогнозов обычно объясняют ангажированностью исследователей, а те, в свою очередь, ссылаются на слишком динамичную социальную реальность. Однако гораздо продуктивнее обратиться непосредственно к опросной технологии, посмотреть, как конструируется реальность, которой придается статус социальной. Забывая о том, что интервью — это прежде всего разговор, ведущийся конкретными людьми с их представлениями о должном и допустимом и ограниченный складывающимися культурными

и экономическими рамками, исследователь сначала создает, а потом защищает сферу артефактов и вымышленных описаний. Об адекватности столь жесткого диагноза говорит методическая ненадежность получаемых данных, которая, ко всему прочему, никак не регистрируется в большинстве опросных компаний.

Библиография

- Рогозин Д.М., Ипатова А.А.** 2012. Как быстро, эффективно и безопасно сфабриковать телефонный опрос // *Социологический журнал*. № 2 [Rogozin D.M., Ipatova A.A. 2012. Kak bystro, ehffektivno i bezопасno sfabrikovat' telefonnyj opros // *Sociologicheskij zhurnal*. № 2].
- Groves R.M., Fowler F.J. Jr., Couper M.P., Lepkowski J.M., Singer E., Tourangeau R.** 2009. *Survey Methodology*. — N.Y.
- Groves R.M., Lyberg L.** 2010. Total Survey Error: Past, Present, and Future // *Public Opinion Quarterly*. Vol. 74. № 5.
- Iversen R.R., Furstenberg F.F., Belzer A.A.** 1999. How Much Do We Count? Interpretation and Error-making in the Decennial Census // *Demography*. Vol. 36. № 1.
- Kiecker P., Nelson J.E.** 1996. Do Interviewers Follow Telephone Survey Instructions? // *Journal of the Market Research Society*. Vol. 38. № 2.
- Lavrakas P.J.** 2013. Presidential Address: Applying a Total Error Perspective for Improving Research Quality in the Social, Behavioral, and Marketing Sciences // *Public Opinion Quarterly*. Vol. 77. № 3.
- Roth J.A.** 1966. Hired Hand Research // *American Sociologist*. Vol. 1. № 4.
- Roth J.A.** 1973. Dissident Views of Sociological Craft // *Australian and New Zealand Journal of Sociology*. Vol. 9. № 3.
- Schreiber E.M.** 1976. Dirty Data in Britain and USA: Reliability of Invariant Characteristics Reported in Surveys // *Public Opinion Quarterly*. Vol. 39. № 4.
- Zimmerman D.H., Wieder D.L.** 1977. The Diary: Diary-interview Method // *Journal of Contemporary Ethnography*. Vol. 5. № 4.